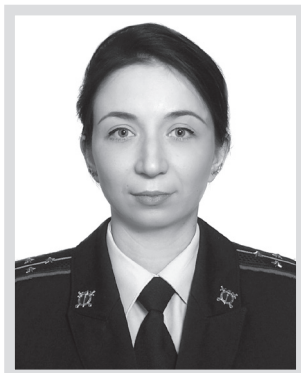

УДК 343.36

Эволюция субъективного критерия общественной опасности принуждения к даче показаний в отечественном уголовном законодательстве

Зеленина С.А.

Адъюнкт кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

В статье проанализирована проблема измерения общественной опасности преступления, предусмотренного в ст. 302 УК РФ. Автор соотносит нормы закона с историко-теоретическими наработками в области объекта и субъекта преступления, выделяя круг общественных отношений, определяющих криминализацию данного деяния. В результате предложен авторский подход к оценке общественной опасности принуждения к даче показаний и выявлены противоречия внутри институционального метода к исследованию объекта данного преступления.

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, преступления против правосудия, должностные преступления, объект преступления, общественная опасность, уголовное наказание.

Исходя из системного метода, принуждение к даче показаний в качестве родового объекта затрагивает общественные отношения, направленные на обеспечение деятельности органов правосудия [1, с. 145]. Пристальное внимание к состоянию законности в правоохранительной сфере сопряжено не только с проводимыми государством реформами, но и специфическим положением рядовых граждан в отношениях с сотрудниками государственных органов, призванных обеспечивать законность и правопорядок. Тем самым принудительное склонение лица к даче тех или иных показаний выступает грубым нарушением принципов уголовного и уголовно-процессуального права, а также общечеловеческих ценностей [2].

Примечательно, что ряд специалистов подчёркивают природу общественной опасности рассматриваемого преступления в плоскости дефектов профессионализма у сотрудников органов внутренних дел и следственно-дознательских подразделений [3]. Помимо этого, данный аспект подчёркивается и официальной информацией [4].

Вместе с тем с такой позицией согласны далеко не все исследователи. Так, по мнению А.В. Галаховой, родовый объект всех преступлений против правосудия связан с кругом общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением госу-

дарственной власти в целом, а не только её специального правоохранительного сегмента [5, с. 11]. Этот подход строится на фрагментарной структуре уголовного закона, которая использует преимущественно институциональную природу систематизации преступлений против государственной власти [6, с. 58]. Тем самым можно выделить второй подход к оценке общественной опасности принуждения к даче показаний, который абстрагирует государственное управление в области деятельности правоохранительных органов и должностных лиц. Применительно же к судебным-следственным органам в рамках такого институционального подхода специальный круг общественных отношений, складывающихся в сфере правосудия, составляет видовой объект преступления, предусмотренного ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Необходимость разграничения родового и видового объекта рассматриваемого состава имеет принципиальное значение при определении степени общественной опасности деяния. Это связано с неизбежным процессом квалификации принуждения к даче показаний на фоне существования смежных составов, которые имеют схожую степень общественной опасности.

Так, в качестве общего субъекта принуждения к даче показаний может выступать другое лицо,

которое действовало с ведома следователя (дознавателя), что равнозначно понятию «молчаливого согласия». В этой формулировке прослеживается признак соучастия, при этом его конкретный вид по ст. 33 УК РФ определяется применительно к каждому отдельному случаю. Но открытым остаётся вопрос к случаям, когда такое «другое лицо» также обладает специальным правовым статусом, т.е. является прокурором или судьёй.

По мнению одних исследователей, конструкция диспозиции ст. 302 УК РФ предполагает сочетание лишь двух типов субъекта – специального (в качестве основного) и общего (в качестве факультативного) [7, с. 228]. Последнее означает, что иное лицо, имеющее должностной статус по формулировке примечания к ст. 285 УК РФ, не может рассматриваться в качестве субъекта принуждения к даче показаний по ст. 302 УК РФ, поскольку для таких случаев предусмотрена отдельная квалификация.

Другие учёные полагают возможным привлечение к ответственности по ст. 302 УК РФ второго специального субъекта, помимо следователя и дознавателя, потому что диспозиция рассматриваемой нормы не ограничивает категорию «других лиц», выступающих соучастниками данного преступления [8, с. 159]. Однако в качестве таковых рассматриваются преимущественно сотрудники органов внутренних дел, имеющие различный профессиональный статус (от начальника управления до оперативно-розыскных сотрудников, участковых уполномоченных и др.). Это подтверждается сложившейся судебной практикой [9].

Трансформацию системного подхода к общественной опасности принуждения к даче показаний можно проследить на примере эволюции отечественного законодательства, предусматривающего ответственность за данное деяние. В частности, впервые специальные нормы об этом появились в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. Формой закрепления уголовной ответственности за принуждение к даче показаний выступила ст. 462, которая была разделена на две части по принципу тяжести преступления, что неизбежным образом сказалось на различиях в санкции.

Так, если следователь принуждал обвиняемого к признанию вины при помощи угроз либо «иных противозаконных средств», то наказание заключалось всего лишь в объявлении ему выговора [10]. Аналогичная санкция применялась к должностному лицу сыска, принуждающему свидетеля дать определённые показания. Напротив, при использовании таких методов принуждения, как истязание и жестокость, уголовное наказание виновного следователя сводилось уже к тюремному заключению (ч. 2 ст. 462 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.).

Примечательно выделение видового объекта рассматриваемого преступления в законах Российской

империи. Нормы об ответственности за его совершение содержались в гл. 11 «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы» Уложения 1845 г. на фоне существования специальной главы, посвящённой преступлениям по т.н. «неправосудию». Тем самым законодатель отграничивал преступные деяния против правосудия от актов, направленных против интересов правоохранительной службы. Кроме того, императорское уголовное законодательство разделяло два вида противоправных акта – преступления и проступки [11, с. 147]. И те, и другие имели уголовно-правовой характер, однако различались по тяжести санкций, что наглядно прослеживается в дифференциации ответственности за запрещённые принудительные действия следователя, зависящие от степени жестокости. Это означает, что без квалифицирующих признаков принуждение к даче показаний являлось само по себе уголовным проступком, а при наличии отягчающих обстоятельств считалось преступлением.

Однако дальнейшее развитие законодательного материала в сфере ответственности за принуждение к даче показаний демонстрировало несколько иной окрас его общественной опасности. Например, в «Уголовном уложении» 1903 г. предусматривалось два смежных состава преступления, различаемых не по субъектам, а по цели, которые те преследовали [12]. Общая санкция применялась к тем служащим, которые при помощи злоупотребления полномочиями добивались определённых показаний от других лиц (ч. 1 ст. 676). При этом не имело значения, какой вид производства вёлся по тому или иному делу – уголовный, гражданский либо дисциплинарный. Напротив, цель преступления в попытке осуждения лица или установления подозрения в адрес невиновного субъекта влекла более тяжкое уголовное наказание (ч. 2 ст. 676). Анализируемые нормы располагались в главе XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной», тем самым отсутствовало разграничение ответственности по субъектному критерию. Под категорию служащего подпадали не только следователи, но и прокуроры, судьи, а также все иные лица, имеющие должностной статус в органах государственной власти [13, с. 25].

Возврат к субъектному критерию при дифференциации уголовной ответственности за принудительные действия к даче определённых показаний произошёл в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., когда в ст. 112 следователь и дознаватель были отделены от других должностных лиц. Однако уже в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. субъект принуждения к даче показаний был расширен до категории любого лица, производящего допрос. А в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. возвращена самостоятельность состава преступления, образующего принуждение к

даче показаний, по субъектному критерию, поскольку в ст. 179 следователь и дознаватель в рамках уголовного производства вновь выделены в качестве лиц с персональной ответственностью за нарушение принципа добровольности формирования показаний у других участников уголовного процесса.

Исследователи по-разному трактуют столь хаотичное развитие отечественного законодательства в области уголовной ответственности за принуждение к даче показаний. Так, одни авторы полагают, что сужение субъекта преступления до конкретных должностных лиц является следствием более внимательной политики государства к деятельности дознавательно-следственных органов [14, с. 95]. Напротив, при расширении субъектного состава рассматриваемого преступления речь стоит вести о равноправном состоянии должностных лиц в сфере правосудия относительно производства по делу, поскольку каждый из них по отдельности несёт потенциально одинаковую ответственность за аналогичное нарушение [15, с. 51].

Другая группа исследователей подчёркивает, что существенной разницы в выделении или растворении состава по принуждению к даче показаний в рамках системы других преступлений против правосудия не наблюдается, а законодательные изменения сводятся лишь к формальным корректировкам нормативного материала, свойственного духу того времени [16, с. 190].

Следует отметить, что различия в подходах законодателя на разных этапах эволюции уголовной ответственности за принуждение к даче показаний в большей степени зависят от изменения степени общественной опасности тех нарушений, которые сопровождают деятельность следователя и дознавателя. Выделение самостоятельного состава данного преступления предлагается расценивать как отражение повышенного внимания государства к этой проблеме. Отграничивая ответственность дознавательно-следственных органов от иных участников уголовного преследования, законодатель подчёркивает увеличение общественной опасности принудительных мер к формированию определённых показаний. Это обосновывает дифференциацию ответственности за данное деяние в современном уголовном законодательстве.

На наш взгляд, проблема исключения следователя и лица с дознавательским статусом из числа виновных является дефектом правоприменения, а не правового регулирования. Законодатель вполне отчётливо сформулировал эту часть объективной стороны, заложив в неё не только действие, но и преступное бездействие должностного лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу. Словосочетание «с ведома» доходчиво определяет роль специального субъекта преступления в использовании незаконных прину-

дительных мер к потерпевшему. В данном случае речь идёт о следователе (дознавателе), который подстрекает (ч. 4 ст. 33 УК РФ) или даже организует (ч. 3 ст. 33 УК РФ) принуждение к даче показаний, используя для достижения этой цели другое лицо, в том числе со специальным служебным статусом.

Решение обозначенной проблемы необходимо производить не законодательными корректировками, а упорядочением судебной практики по рассмотрению дел о принуждениях к даче показаний. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации должен сформулировать все возможные формы объективной стороны, подчёркнув, что к ответственности привлекается не только тот субъект, который выразил преступный умысел в своём активном поведении, но и специальный субъект, допустивший возможность преступного воздействия на свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, специалиста или эксперта, при этом не предприняв возложенных на него функций по предотвращению данного деяния.

Литература:

1. Курс уголовного права: В 5 т. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – 512 с.
2. Шестаков А.Л. Нормативные аспекты защиты правосудия от незаконного принуждения в зарубежном уголовном праве // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 3. – С. 42-45.
3. Козлова Н. Признание в режиме пытки // Российская газета. – 2008. – 12 фев. – № 29.
4. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» от 27 мая 2008 г. // Российская газета. – 2008. – 4 апр. – № 119.
5. Преступления против правосудия / А.Н. Александров, Ю.И. Антонов, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. – М.: НОРМА, 2005. – 416 с.

6. Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 206 с.
7. Баев О.Я. Принуждение к даче показаний: криминалистический анализ состава преступления // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3 (8). – С. 227-238.
8. Тепляшин П.В. Проблемы законодательно-го определения субъекта принуждения к даче показаний // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями материалы Третьей Международной научно-практической конференции. – М., 2005. – С. 159-160.
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.02.2012 г. № 12-О12-5 «Приговор по делу о принуждении потерпевшего к даче показаний путем применения угроз и иных незаконных действий с ведома и молчаливого согласия следователя оставлен без изменения, так как вина осужденного подтверждена материалами дела, его действия судом квалифицированы правильно, наказание ему назначено в соответствии с законам» // СПС «Гарант».
10. Кураков А.В. Ретроспективный анализ уголовного законодательства царской России об ответственности за преступления в сфере правосудия (по Уложению «о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г.) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – №3 (7). – С. 116-121.
11. Рогова Е.В. Уголовный проступок в дореволюционном законодательстве России // Известия БГУ. – 2011. – № 5. – С. 145-148.
12. Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 7 (35). – С. 222-245.
13. Агджаев Э.М. Историческое развитие законодательной регламентации цели в преступлениях против правосудия в дореволюционный период // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1. – С. 25-28.
14. Агаев Г.А. Ответственность за преступления против порядка управления по законодательству советского периода // Общество и право. – 2004. – № 4 (6). – С. 92-98
15. Мирецкая, Е.И. Понятие и виды преступлений против порядка управления в России (история и современность) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 50-53.
16. Щербаков А.В. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления: становление и развитие // Проблемы в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 187-192.

Evolution of the Subjective Criterion of Public Danger of Coercion to Testify in the Domestic Criminal Legislation

Zelenina S.A.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The paper deals with approaches to determining the degree of public danger of the crime under article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author correlates the norms of the law with the historical and theoretical approaches to the object and the subject of the crime, emphasizing the social relations that affect the criminalization of this act. As a result, the author proposed an approach to assessing the social danger of coercion to testify and revealed contradictions within the institutional method of investigating the object of this crime.

Key words: coercion to testify, crimes against justice, official crimes, the object of crime, public danger, criminal punishment.

